

Редкий представитель племени, пропадающего в русском театре

СЕГОДНЯ У АЛИСЫ ФРЕЙНДЛИХ ЮБИЛЕЙ

**НАРОДНАЯ АРТИСТКА РОССИИ
Ирина МАЗУРКЕВИЧ: МОЮ ТЕАТРАЛЬНУЮ
БИОГРАФИЮ ОПРЕДЕЛИЛА АЛИСА ФРЕЙНДЛИХ**

**Григорий ДИТЯТКОВСКИЙ: Я ПОНЯЛ, КАКАЯ ЭТО АКТРИСА,
ПО ВОСТОРЖЕННЫМ ЛИЦАМ ЗРИТЕЛЕЙ**

Казалось бы, что еще можно сказать об Алисе Бруновне Фрейндлих? О великой Алисе, много лет носящей неофициальный титул первой леди театрального Петербурга. Об актрисе, которую называют душой нашего города (здесь Алиса Бруновна родилась, училась, состоялась, здесь проходит ее творческая жизнь). О которой написаны статьи и книги, сняты фильмы; которой драматурги посвящали пьесы, а поэты — стихи...

Андрей Могучий, поставивший последний на сегодня спектакль с участием Фрейндлих, назвал его просто: «Алиса». И содержанием спектакля стала не только и не столько история кэрролловской девочки, запутавшейся в лабиринтах Времени, сколько сама она — актриса Алиса, вошедшая в театральную мифологию Петербурга. Как и образы, созданные Алисой Фрейндлих на экране, стали мифами кинематографа. Учитывая эфемерность и незащищенность театрального искусства перед Временем, корреспондент «ВП» попросил рассказать об Алисе Бруновне прежде всего людей театра. Ирина Мазуркевич работала с Фрейндлих в Театре имени Ленсовета. Роман Виктюк поставил для Алисы Бруновны антрепризный спектакль «Осенние скрипки». В «Двенадцатой ночи» БДТ в постановке Григория Дитятковского Фрейндлих сыграла одну из своих лучших ролей — шута Фесте (ту роль, в которой кинозрители помнят ее отца Бруно Артуровича). Также вместе с Дитятковским Алиса Бруновна снялась в фильме Андрея Хржановского «Полторы комнаты, или Сентиментальное путешествие на родину» (он сыграл Иосифа Бродского, она — мать поэта). А от молодого поколения артистов БДТ выступила ученица Дитятковского Полина Толстун.

— Алиса Бруновна Фрейндлих — из главных людей в моей жизни.

Приглашая меня в Театр имени Ленсовета, Игорь Петрович Владимиров сказал: «Ты должна подготовиться. Это театр Алисы Фрейндлих. Будет тяжело».

Но я никогда не чувствовала и не могла почувствовать — в силу личных качеств Алисы Бруновны, — что она звезда. Насколько она безупречна в профессии, настолько безупречна и в отношениях с людьми. Невозможно представить, что она, допустим, плела бы интриги или что-то делала за спиной. Алиса Бруновна одинаково относилась ко всем: и к партнерам по сцене, и к монтажникам, и к мебельщикам. Если она видела, что кто-то серьезно занимается своим делом, вкладывает в него душу, она сама тянулась к этому человеку.

А буквально через год мы уже были друзьями. Алиса Бруновна дружила с Равиковичем, а когда у нас с ним начался «служебный роман», я автоматически вошла в ближний круг. Восхищение Алисой как артисткой дополнилось таким же чувством к ней как к женщине: трогательной, милой, со всеми женскими слабостями и привычками. Неспорно Эльдар Александрович Рязанов говорил как в шутку, что если бы не Нина (его тогдашняя жена), то он женился бы на Алисе. Свадьбу мы с Равиковичем, кстати, отметили у нее дома. И Алиса Бруновна была у нас свидетелем.

Когда я впервые вышла с Алисой Фрейндлих на одну сцену, точно не помню. Может, это была «Дульсинея Тобосская», где я играла в массовке. Может, «Интервью в Буэнос-Айресе», куда меня срочно ввели на одну из главных ролей за несколько часов до спектакля! И Равик, и Алиса, игравшие там, вели себя на репетиции, как мне показалось, довольно легкомысленно, словно не замечая, насколько ситуация экстренная. Но на спектакле я в полной мере ощутила их профессиональную, а главное, человеческую поддержку.

Потом я ввелась на маленькую роль в спектакль «Пятый десяток», где Алиса Бруновна играла библиотекаршу Елочкин. Там был эпизод, когда девочка возвращает ей книжку. На гастролях в Сочи меня ввели на роль этой девочки. Алиса Бруновна оценила найденный мною образ — характерную внешность, очки и нервный тик. И даже, растрогавшись, предложила меня учить, делиться своими знаниями о профессии. А я, дура, вместо того чтобы сказать «Да-да, конечно!», промямлила что-то вроде: «А я и так учусь у вас, Алиса Бруновна, каждый день, каждую минуту».

Это была правда. В институте идеализируют профессию. Это прекрасно, но когда актер приходит в театр, он, как правило, не находит там тех идеалов, о которых ему говорили. Мне счастье, что я сразу попала в Театр имени Ленсовета на пике его славы. Алиса Бруновна подтверждала все то, чему нас учили педагоги: и что театр — это храм, и что надо любить искусство в себе, а не себя в искусстве.

У нее абсолютное чувство правды. При полном погружении в роль она видит все, что происходит на сцене, все чувствует, все замечает. Это суперпрофессионализм. И насколько требовательно относится к себе на сцене, настолько внимательна и требовательна она к партнерам.

Говорят, незаменимых нет. Брунда. Вот ушла Алиса Бруновна из Театра имени Ленсовета, и закончилась какая-то его эпоха. За последние годы я, конечно, видела Алису Бруновну в спектаклях БДТ, но именно на «Алисе» Андрея Могучего я увидела ее такой, какой она была тогда, в лучшие времена Театра имени Ленсовета. И такая ностальгия возникла...

Не хочется, чтобы все сказанное было «обо мне и Алисе». Хотелось бы только об Алисе! Но ведь мы неизбежно воспринимаем человека через себя... Через то, как человек проявился в нашей судьбе. Кто-то много сделал для меня в личной жизни. Кто-то — в кино. А вот мою театральную биографию определила Алиса Бруновна. За что я ей безмерно благодарна.

Сергей Замолев (Трофимов), Алиса Фрейндлих (Раневская), Ирина Мазуркевич (Аня). Спектакль Театра имени Ленсовета «Вишневый сад», режиссер Игорь Владимиров. 1978 год. Фото Виктора Васильева, предоставлено пресс-службой Театра имени Ленсовета.

— Вы учились в Ленинграде в 1980-е, в то время, которое было непростым для Алисы Бруновны. Она перешла из Театра имени Ленсовета в БДТ как раз в пору вашего студенчества. Наверное, тогда вы и увидели ее впервые на сцене?

— Я помню свой первый приход в Театр имени Ленсовета на спектакль «Вишневый сад». Алиса Бруновна играла Раневскую. Я прошел как студент и сидел в конце большого длинного зала. Алиса Бруновна была в белом платье и широкой шляпе. Издалека казалась маленьким грибом, излучающим свет. Это и была моя самая первая встреча. Поскольку я сидел очень далеко от сцены, то какая это актриса — понимал только по восторженным лицам зрителей, особенно женского пола. Обожание к ней манило. Я столкнулся с этим обожанием и примкнул к нему. И встретался с ним даже больше, чем с ней самой на подмостках.

Взрослая девочка. Очень взрослая, но на самом деле девочка. Такой Алиса Бруновна запомнилась мне тогда. Такой и останется.

— Как к вам пришла идея назначить ее на роль шута Фесте в «Двенадцатой ночи»? Имело ли для вас значение, что зрители помнят в этой роли ее отца?

— До того как мы начали репетиции, обсуждалось не одно название. Мы с Алисой Бруновной хотели работать вместе. Признаюсь, что в «Двенадцатой ночи» ее участие я и не предполагал. Но когда она как-то между прочим, за чашкой чая, когда я был у нее в гостях, мечтательно сказала, что она сыграла бы Фесте, выбор пьесы был сделан. Тут и пришла мысль, что Шут — это фамилия, и замысел стал формироваться. То

есть Шут не обязательно «он», шут может быть и «она» (Марья Ивановна Шут, допустим). И в то же время может выходить за рамки пола и возраста, принимать разные облики, подстраиваясь под того персонажа, с которым ведет диалог, но при этом оставаясь самим собой. А когда Марина Цолаковна Азиян предложила разные варианты эскизов костюмов (а у нее их было множество), я стал вымышлять даже нечто хармсовское. И конечно, шут Алисы Бруновны должен был петь, и мы нашли «Music for a while» Пёрселла. И взяли малоизвестный перевод пьесы, перевод Давида Самойлова. Когда в устах Алисы Бруновны звучал текст: «Скажите, вам какую песню спеть, любовную или со смыслом», мне казалось, он был специально для нее написан. Кстати, для нее было очень важно, что Бруно Артурович тоже играл эту роль. Династия все-таки.

— В вашем спектакле Шут казался таинственным проводником в мир Музыки. О Фрейндлих часто пишут как о музыкальной актрисе, имея в виду не только вокальные данные, но и умение играть словно по законам музыки. Вы как режиссер сознательно использовали эти ее качества?

— Думаю, да. Только ее музыкальность не что иное, как проявление редкого лирического дара, особого состава нежности, хрупкости, чистоты — и смелости, бесшабашности и даже хулиганства. Фрейндлих настолько хрупка, что ее хочется положить в ладошку. И в то же время у нее качества выдумщика и сорванца, наверное, поэтому так замечательно получался у нее Мальш в «Мальше и Карлсоне». И в ее леди Мильфорд («Коварство и любовь») просматривалась девочка. Независимо от того, сколько седых волос на голове. Грустная, потасканная, нагруженная, но девочка, будто мамыны платья надевшая. Для

Алиса Фрейндлих (Шут), Полина Толстун (Оливия). Спектакль БДТ им. Г. А. Товстоногова «Двенадцатая ночь», режиссер Григорий Дитятковский. 2003 год. Фото из архива БДТ им. Г. А. Товстоногова.

**Полина ТОЛСТУН:
МОЖНО НАЗВАТЬ ОДНИМ СЛОВОМ — ЛЮБОВЬ**

— Впервые я встретила Алису Бруновну на читке «Двенадцатой ночи». Мне было 18 лет. И конечно, колени дрожали. Тогда я еще не знала, насколько она внимательный и чуткий человек, а видела в ней только великую актрису из телевизора, на фильмах которой я выросла.

Теперь могу сказать, что Алиса Бруновна — тот редкий вид, который можно назвать одним словом: любовь. Встретив ее однажды, ты не можешь не влюбиться, не очароваться. Она обладает удивительной способностью быть здесь и сейчас, и, кажется, каждый момент ее жизни наполнен смыслом и чувством. Этому я у нее учусь. Удивительно сочетаются в ней огромный жизненный опыт и способность взглянуть на мир свежим, детским взглядом. Способность учиться и удивляться.

На репетициях Алиса Бруновна всегда мне ненавязчиво помогала: то подсказывая смысловые акценты фразы, то сажая меня на мои руки, что отучить от чрезмерной жестикюляции.

Она настоящий профессионал, всегда очень подробно готовится к новой роли, знает некоторые сценические законы, которым теперь, увы, уже не учат. Для меня огромное счастье работать с Алисой Бруновной, ведь она крайне отзывчивый партнер и человек!

Кадр из фильма «Полторы комнаты, или Сентиментальное путешествие на родину». Алиса Фрейндлих (мать) и Григорий Дитятковский (Бродский).

меня это пример дикого несоответствия дарования и роли, впрочем, как и леди Макбет.

В лучшие времена на театре существовало обязательное разделение на ампулу. Что придавало профессии актера особый порядок и замысел. В размытии этого порядка, в смешении ампулы как «должностей» — потеря основ мастерства. Как нельзя всех учить одинаково, а к каждому нужен индивидуальный подход, так и в театре не может артист играть всё. Впрочем, появление на сцене Алисы Бруновны как раз тот самый случай, когда даже при несоответствии дарования и роли (о котором сказано выше) возникает чувство восхищения и благодарности. Как возникает восхищение перед ребенком, взявшим на себя непростые обязанности взрослого и жертвующим собой ради блага близких. Алиса Бруновна Фрейндлих — классическая *le ingénue lyric* («инженю лирик»). Она редкий представитель племени трагиста и инженю, пропадающего в русском театре. Изобретательная, трогательная, смешная и трагичная в своем юморе. Мне кажется, проявляясь в этом направлении, она ближе к своей актерской природе.

Алиса Бруновна о себе:

— Я — бабушка, но не идеальная. Мне далеко до моей замечательной бабушки Шарлотты Фридриховны, которая вела дом, была главной хранительницей очага. Когда она садилась за швейную машинку, чтобы перешивать для нас мамыны и папины вещи, то начинала петь и пела превосходно. Вся семья была музыкальной. Когда я была совсем маленькой, бабушка водила меня в Александровский сад, где играл оркестр и маршировали курсанты военного училища. И я тоже маршировала — за компанию! Их командир сказал бабушке: «Смотрите, как она это под музыку делает!» Я как-то посчитала и выяснила, что поколение моих внуков — уже восьмое с тех пор, как наши предки поселились в Санкт-Петербурге.

...Театр для меня — это как будто продолжение детства. Потому что мне кажется, что сценическая игра — это прежде всего такая равная детству вера в предлагаемые обстоятельства. Потому что никто так не верит в игру и в обстоятельства, которые сам себе задает, как дети. Ведь нет сценического воплощения без сценического воображения. А воображение у детей такое, каким мало кто из взрослых может похвалиться.

...Мне кажется, что весь смысл жизни в самосовершенствовании.

(Из разных интервью)

**НАРОДНЫЙ АРТИСТ РОССИИ И УКРАИНЫ
Роман ВИКТЮК:
АЛИСЕ БРУНОВНЕ ДАНА БЛАГАЯ ВЕСТЬ**

— Во время репетиции с Алисой Бруновной в пространстве той сцены, на которой работаешь, создается своеобразный, неповторимый, загадочный мир. Этот мир неуловимый, он как воздух прозрачен! И в моменты ее наивысшего вдохновения я вдруг вижу, что над ее головой Диск! И Диск этот похож на спроецированный откуда-то Луч.

Она — защита, объятия миру!
Она спроецирована откуда-то ОТТУДА. Ей, Алисе Бруновне, дана благая весть. Я это видел. Говорят, нечто подобное было, когда играла и репетировала Вера Комиссаржевская. Значит, это светоизлучение было в русском театре как минимум дважды.

Подготовил Евгений АВРАМЕНКО

Редакция «Вечернего Петербурга» в едином порыве, стоя, поздравляет любимую артистку. Алиса Бруновна, здоровья, непреходящего оптимизма и творчества, многая лета!